

ПРОЛОГ

Если найдется отважный мореплаватель, который осмелится проникнуть в самое сердце бушующего, вероломного моря, перед ним откроются прекрасные в своем разнообразии Эйвонские острова. Их смело можно назвать землей контрастов: острые горные пики и округлые холмы, ласковые дожди и свирепые ветры, дующие с севера через Дорсальское море. Среди островов — тихий Барандуин, обитель людей и волшебнорожденных, земля пышной, буйной зелени и ярких радуг. А на другом конце архипелага из волн вздымаются Пять Стражей — скалистые вершины, где бродят огромные рогатые овцы и растут странные многоцветные лишайники, которые зловеще светятся после захода солнца. Мореплавателям лучше поостеречься скал в здешних проливах.

Самый многонаселенный и цивилизованный из островов — Претория, где много городов и поселков, а торговля с материком — обычнейшее дело.

А рядом — неукротимый Эриадор. Родина воинственного, сурового народа, знакомого с мечом так же хорошо, как с плугом. Земля кланов, где верность у людей в крови, где нанести обиду одному человеку — все равно что обидеть весь его род.

Неукротимый Эриадор. Облака там низко нависают над холмистой равниной, покрытой густой зеленью, и даже в разгар лета дуют прохладные ветры. Там волшебнорожденные, эльфы, танцуют на вершинах лесистых холмов, а хмурые гномы куют оружие, которое обAGRится вражеской кровью еще до исхода года.

Варвары-хьюготы, дикое племя, живущее только войнами и набегами, не раз нападали на обитателей Эриадора. Но никогда захватчикам не удавалось удержаться на этой земле, ни разу не смогли они поработить свободолюбивый народ. За гибель каждого эриадорца варвары расплачивались собственной кровью.

Давным-давно из глубоких пещер Железного Перевала вырвались циклопы, жестокие одноглазые твари. Они пронеслись по земле, сжигая и грабя, убивая любого, кто не успел скрыться до вторжения их полчищ. И тогда предводитель одного из кланов Эриадора, Брюс Макдональд, прозванный Объединитель, сплотил мужчин и женщин всего острова и рассеял дикие орды свирепых циклопов. Легенды повествуют, что, когда западные равнины очистились, сам Брюс Макдональд прорубил проход сквозь северные отроги Железного Перевала, так что его армии смогли прорваться на восточные земли и сокрушить циклопов, не ожидавших нападения с той стороны.

И было это шесть столетий назад.

Из-за моря пришли армии Гаскони, обширного королевства, находящегося к югу от островов. И часть земель Эйвона, те, что известны как Элкинадор, покорились захватчикам, которые поспешно начали их освоение. Но никогда гасконцы не владели Эриадором. Один их флот выбросили на берег бурные волны Дорсальского моря, разнеся деревянные корабли в щепки, а другой уничтожили гигантские киты. Сплотившись под именем Брюса Макдональда, вдохновляемый примером героя древности, народ Эриадора бился за каждый дюйм своей драгоценной земли. И таким свирепым было сопротивление, что захватчики не только отступили, но и построили стену, желая отгородиться от северных земель, которые Гасконь признала непригодными для освоения.

В конце концов неугасавшее сопротивление и угроза войны на юге заставили гасконцев убраться восвояси. Их наследие

сказалось в языке, религии и одежде народа Эйвона, но не в Эриадоре, не в свободолобивых землях, где религия была старше самой Гаскони, а преданность ценилась выше самой жизни.

И было это три столетия назад.

А затем в Эйвоне, в Карлайле, на реке Страттон, объявился могучий король-чародей, который пожелал захватить все острова. Гринспэрроу — так именовали его друзья и враги. Он был великим воином и мудрецом, но все силы свои отдал служению злу. И зло лежало в основе договора, который он заключил с Крезисом, правителем циклопов, даровав тому титул первого герцога и включив воинственных одноглазых в свою армию. Гринспэрроу за две недели захватил Эйвон, уничтожив всех, кто осмелился оказать сопротивление, а затем обратил свой ненасытный взор на земли Эриадора. Сперва его воины добились не большего успеха, чем варвары, или гасконцы, или даже свирепые циклопы.

Но однажды на Эриадор накатилась тьма, которую нельзя было сразить мечом, которую не могла одолеть никакая отвага. Непобедимый прежде народ победила чума. Люди шептались, что наслал ее могучий чародей, король Гринспэрроу. И действительно, никого в Эйвоне не поразило черное поветрие, в то время как в свободном Эриадоре погибали двое из троих, а каждые двое из троих оставшихся в живых были слишком слабы, чтобы сражаться.

Так Гринспэрроу захватил власть, заключив соглашение, по которому к нему отходили все земли севернее Железного Перевала. Земли эти стали восьмым его герцогством со столицей в Монфоре — городе, славящемся своими копиями и именовавшемся прежде Макдональдом в честь Объединителя.

Мрачные времена настали в Эриадоре: волшебнорожденные затаились, а гномов обратили в унижительное рабство.

И было это двадцать лет назад.

Тогда родился Лютиен Бедвир.

Эта история о нем.

ГЛАВА 1

НАСЛЕДНИК БЕДВИРА

Этан Бедвир, старший сын и наследник правителя острова Бедвидрина, стоя на высоком балконе дворца в Дун Варне, наблюдал за двухмачтовым судном под черными парусами, лениво скользящим по спокойным водам гавани. Он нахмурил брови еще до того, как ожидаемый флаг — скрещенные открытые ладони над налитым кровью глазом — появился в поле зрения. Только корабли короля или варваров с северо-востока осмеливались открыто бороздить темные и холодные воды Дорсальского* моря, названного так из-за жутких черных плавников хищных китов, прожорливые стаи которых тут и там мелькали в воде. Но даже варвары не рисковали плавать поодиночке.

Вскоре появился второй штандарт — на нем красовалась мускулистая, согнутая в локте рука с зажатой в кулаке горняцкой киркой.

— Гости? — послышался вопрос из-за спины.

Этан не обернулся, узнав голос отца.

— Флаг герцога Монфорского, — презрительно кивнул он.

Гахриз Бедвир шагнул на балкон и остановился возле сына. Этан неприязненно поморщился, взглянув на отца, даже сейчас казавшегося гордым и сильным, каким он некогда был на самом деле. Карие глаза Гахриза ярко сверкали в лучах восходящего солнца. Ледяной ветер с океана отбрасывал назад густую копну серебристо-седых волос. Покрасневшее морщинистое лицо покрылось загаром за бесконечные часы, проведенные на маленьком рыбацьем судне, бороздившем воды опасного Дорсальского моря. Гахриз был так же высок, как Этан, выше большинства мужчин на острове Бедвидрине, а они, в свою очередь, превосходили ростом других мужчин в королевстве. В плечах он все еще был шире, чем в талии, а руки его стали жилистыми за годы юности, проведенной в беспрестанных трудах.

---

* От английского *dorsal fin* — спинной плавник. (Прим. перев.)

Но когда судно под черными парусами приблизилось к пристани, а островитяне, слышав грубые крики звероподобных циклопов, принялись подобострастно приветствовать их, выражение глаз Гахриза перестало соответствовать его гордой осанке.

Этан вновь взглянул на гавань, избегая смотреть на униженного отца.

— Думаю, это кузен герцога, — заметил Гахриз. — Я слышал, он отправился на отдых к северным островам. Ну что ж, нужно позаботиться о достойной встрече и развлечениях для высококого гостя.

Гахриз повернулся, словно собираясь уходить, затем остановился, заметив, что упрямец Этан не разжал пальцы, намертво вцепившиеся в перила балкона.

— Ты собираешься сражаться на арене, чтобы порадовать гостя? — спросил он, уже зная ответ.

— Только если кузен герцога станет моим противником, — абсолютно серьезно ответил Этан. — И если бой будет насмерть.

— Ты должен научиться принимать реальность такой, какова она есть, — упрекнул его граф.

Этан повернулся и гневно взглянул на отца. Подобный взгляд мог бросить сам Гахриз еще четверть века назад, до того как независимый Эриадор подпал под железное правление правителя Эйвона, короля Гринспэрроу. Старшему Бедвиру понадобилось какое-то время, чтобы взять себя в руки, напомнить себе обо всем, что рискует потерять он и его народ. Дело в том, что на Бедвидрине, как, впрочем, и на остальных островах, жизнь была не такой уж плохой. Главным образом Гринспэрроу интересовался землями, лежащими к югу от гор, называемых Железным Перевалом. И хотя Моркней, герцог Монфорский, осуществлял жесткий контроль над Эриадором, он оставлял островитян в покое — до тех пор, пока получал свою десятину, а его посланцев ждал подобающий прием, когда бы они ни оказались на одном из островов.

— Не так уж плохо мы живем, — осторожно заметил Гахриз, пытаясь затушить опасный пыл чрезмерно порывистого сына. Граф не слишком удивился бы, услышав уже сегодня, что Этан

напал на кузена герцога при свете дня, на глазах сотни свидетелей и пары десятков преторианских стражников.

— Только для того, кто довольствуется счастливой участью раба, — процедил сквозь зубы Этан все с той же яростью.

— Ты живешь прошлым, — еле слышно пробормотал Гахриз.

Он знал, что Этан грезит о днях полной независимости, когда Бедвидрин сражался против любого, пытавшегося объявить себя правителем. Остров пережил множество войн — против конных варваров, орд циклопов, самозванных королей Эриадора, пытавшихся силой объединить земли, и даже против мощного гасконского флота, когда южное королевство попыталось завоевать все земли, лежавшие за холодными северными водами. Эйвон пал под натиском гасконцев, но нестигаемые воины Эриадора сделали жизнь захватчиков настолько нерадостной, что те вынуждены были построить стену, отгородившую северную провинцию, и объявили эти земли непригодными для освоения. Долгое время бедвидринцы похвалялись тем, что ни один солдат, ступивший на остров, не остался в живых.

Но теперь лишь песни и сказания повествовали о героических деяниях предков, ставших древней историей. С тех пор сменилось семь поколений, и Гахриз Бедвир склонился под порывами недоброго ветра перемен.

— Я — бедвидринец, — тихо ответил Этан, словно эта фраза служила исчерпывающим объяснением.

— Вечный бунтарь! — резко бросил Гахриз. — Черт возьми, думай о последствиях своих действий! Твоя гордость недалеко видна, более того, она просто губительна!

— Моя гордость свидетельствует о том, что я — достойный сын правителя Бедвидрина, — прервал Этан, и его карие глаза, свидетельство принадлежности к клану Бедвира, опасно вспыхнули в лучах утреннего солнца.

Гневный прищур этих глаз удержал графа от резкости.

— Что ж, по крайней мере, твой брат способен встретить наших гостей должным образом, — произнес Гахриз, сохраняя внешнее спокойствие, и отправился на поиски младшего сына.

Этан вновь посмотрел на гавань. Теперь корабль уже достиг причала, и плечистые циклопы бросились пришвартовывать его, отталкивая прочь островитян, оказавшихся у них на пути, и даже тех, кто старался вовремя убраться с дороги. Эти грубияны были одеты не в серебристо-черную форму преторианской гвардии, они носили мундиры личной охраны, положенной каждому аристократу. Даже у Гахриза имелась пара десятков таких солдат — дар герцога Монфорского.

С отвращением покачав головой, Этан перевел взгляд на тренировочную площадку, слева под балконом, где, как он знал, можно найти Лютиена, его единственного брата, пятнадцатую годами моложе. Лютиен почти все время проводил там, совершенствуя искусство боя на мечах и стрельбы из лука. Тренировки, вечные тренировки. Он был гордостью и радостью отца, и даже Этану приходилось признать, что вряд ли в Эриадоре найдется равный ему боец.

Этан моментально узнал брата по длинным волнистым волосам, таким же светлым, как у него самого, но с рыжеватым отливом. Даже на таком расстоянии рослый, широкогрудый и мускулистый Лютиен выглядел весьма внушительно. Благодаря частому пребыванию под открытым небом его кожа приобрела золотисто-коричневый цвет — большая редкость на этом острове, где дождь был гораздо более частым гостем, чем ласковое солнце.

Этан нахмурился, наблюдая за тем, с какой легкостью расправился Лютиен с последним противником. Затем юноша моментально развернулся и ловким маневром, одновременно включавшим в себя толчок, вращение и удар ногой, поверг на землю нападавшего, который бросился на него со спины в надежде застать отважного бойца врасплох.

Воины, наблюдавшие за поединком, разразились криками одобрения, а Лютиен, согласно правилам хорошего тона, принятым на арене, прервал схватку и поклонился.

Да, Этан знал, что брат примет их «гостей» подобающим образом, и такая мысль вызвала раздражение у этого гордого чело-

века. Однако он на самом деле не винил юношу: его брат был молод и несведущ. В свои двадцать лет Лютиен никогда не знал истинной свободы, не помнил Гахриза до возвышения короля-колдуна Гринспэрроу.

Гахриз вышел на тренировочный двор и, жестом подождав Лютиена, что-то сказал ему, указывая на пристань. Младший сын согласно кивнул, широко улыбаясь, затем побежал прочь, на ходу растирая полотенцем тугие мускулы: добродушен, открыт, всегда готов порадовать близких людей.

— Жаль мне тебя, любезный братец, — прошептал Этан.

Он искренне сочувствовал юноше, прекрасно понимая, что однажды Лютиен лицом к лицу столкнется с малодушием отца и правдой о положении их народа.

Крик в доках привлек внимание Этана, и он взглянул в том направлении как раз вовремя, чтобы увидеть, как одноглазый стражник сшиб с ног рыбака-островитянина. Два других циклопа присоединились к своему товарищу, и все трое принялись пинать и лупить несчастного рыбака, пока наконец тому не удалось ускользнуть прочь. Гогоча, все трое вернулись к своим обязанностям по швартовке проклятого судна.

Этан видел достаточно. Он бросился прочь с балкона, почти налетев на двух одноглазых солдат графа, проходивших мимо.

— Наследник Бедвира, — обнажив в улыбке желтые зубы, приветствовал его один из них.

От Этана не ускользнул снисходительный тон грубияна. Да, он действительно был наследником Бедвира, но титулы ничего не значили для циклопов, служивших на самом деле только королю Эйвона и его герцогам-колдунам. Эти охранники, этот «дар» герцога Монфорского, являлись самыми обыкновенными соглядатаями, Этан знал об этом так же хорошо, как и прочие жители Эриадора. Однако никто в Бедвидрине не решался открыто признать сей факт.

— В обход, который вы обязаны делать, входят личные покои семьи правителя? — резко бросил Этан, радуясь возможности сорвать накопившуюся злость.

— Мы только шли оповестить вельмож о том, что прибыл кузен герцога Монфорского, — ответил другой стражник.

Этан смерил жуткое создание долгим взглядом. Циклопы не отличались высоким ростом, но были много толще большинства людей — даже самый маленький представитель племени весил не меньше двухсот фунтов, а самый крупный — больше трехсот. Их лбы, скрывавшиеся под копной густых, жестких как проволока волос, обычно скашивались к кустистой брови над единственным, налитым кровью глазом. Носы были плоскими и широкими, подбородок отсутствовал, как и губы, так что желтые звериные клыки угрожающе торчали наружу.

— Гахриз знает о прибытии, — мрачно, почти с угрозой ответил Этан.

Циклопы переглянулись, нагло ухмыляясь, но их ухмылки исчезли, когда они вновь взглянули на кипевшего от ярости Этана, чья рука опустилась на рукоятку меча. Двое юношей, слуги знатной семьи, проходившие через зал, наблюдали за неожиданной стычкой с более чем откровенным интересом.

— Странно, что наследник знатного имени не осмеливается снять меч даже в собственных покоях, — заметил один из циклопов.

— Всего лишь разумная предосторожность, когда поблизости болтаются вонючие одноглазые, — громко ответил Этан, приободренный появлением свидетелей-людей. Он настолько разозлился, что уже окончательно перестал контролировать свои речи и поступки. — И больше ни слова, — резко приказал он. — Ваше зловонное дыхание невыносимо.

Обмен яростными взглядами усилился, но Этана это не тревожило. В конце концов, он был сыном графа, и циклопы обязаны как минимум изображать почтение и покорность. Оба солдата развернулись и потопали прочь.

Этан посмотрел вслед юношам, торопливо направившимся к дверям, — они откровенно хихикали.

«Вот она, молодежь Бедвидрина, — подумал будущий правитель. — Надежда гордой расы».

Этан черпал некоторое утешение в их явном одобрении. Именно так, по их мнению, и следовало держаться с кошмарными циклопами. Возможно, грядущие времена сулят перемены к лучшему.

Но вне зависимости от надежды, которую он ощутил, Этан знал, что дал отцу новый повод для упреков.

ГЛАВА 2

ВЕЛЬМОЖИ И ИХ ДАМЫ

Воин-циклоп со щитом, на котором красовалась эмблема Монфора — согнутая рука с киркой, — вошел в парадный зал дома Гахриза Бедвира. Всю обстановку просторного помещения составляли несколько удобных кресел и огромный камин.

— Виконт Обри, — начал одноглазый герольд, — кузен Моркнея, герцога Монфорского, шестого из восьми, четвертый в роду...

Официальное представление заняло немало времени, циклоп не упустил ни одной, даже самой малозначимой детали при описании родословной и собственности виконта, его подвигов (изрядно преувеличенных и вовсе не казавшихся столь грандиозными Гахризу, который провел шестьдесят лет в суровых землях Бедвидрина), а также его великодушия и героизма.

«Виконт, — усмехнулся граф про себя. — Да у нас на острове каждый четвертый имеет право на титул если не виконта, то хотя бы барона».

— И его благородный друг, барон Вилмон, — продолжал циклоп, и Гахриз глубоко вздохнул, последняя фраза слишком хорошо подтверждала его мысли.

К счастью, перечисление заслуг и достоинств барона Вилмона оказалось отнюдь не таким длинным, как у Обри, что же касается женщин, сопровождавших вельмож, — циклоп просто представил их как леди Элению и Эйвоньезу.

— Эллен и Эйвон, — еле слышно пробормотал Гахриз.

С ума сойти, до чего докатились островитяне в своей претенциозности. А ведь раньше их всегда отличала простота и скромность.

Виконт и его свита торжественно прошествовали в зал. Обри — холеный, с седеющими волосами мужчина лет сорока пяти — окинул присутствующих мимолетным взглядом, в котором явственно читалось презрение. Вилмон — щеголеватый и напыщенный молодой человек лет двадцати пяти — с любопытством оглядывался вокруг. Оба были вооружены мечами и кортиками, но Гахриз, пожимавший руки приезжим, не смог нащупать мозолей, обычных для бывалых воинов, да и само пожатие не свидетельствовало о привычке к тяжелому мечу. Леди были ничуть не лучше — не в меру накрашенные и надушенные создания с соблазнительными формами, туго затянутые в шелка и обвешанные драгоценностями, гремевшими и звеневшими при каждом кокетливом движении. Гахриз знал, что Эйвоньеze не меньше пятидесяти, и теперь убедился, что никакие притирания и краски не способны скрыть неумолимое воздействие природы.

Хотя леди старалась (да как упорно!), вид ее, по мнению Гахриза, оставался весьма жалким.

— Виконт Обри, — вежливо, с радушной улыбкой произнес он. — Это действительно большая честь — принимать одного из тех, кто удостоился доверия нашего уважаемого герцога.

— Не сомневаюсь, — отозвался Обри, выглядевший изрядно скучающим.

— Могу я осведомиться, что привело столь неожиданных гостей так далеко на север?

— Нет, — довольно резко начал Обри, но Эйвоньеze, отпустив его руку, чтобы немедленно вцепиться в руку графа, не позволила ему закончить фразу.

— Мы отдыхаем! — проворковала она идохнула на Гахриза винным перегаром.

— Сейчас мы прибыли с острова Марвис, — добавила Эления. — Нам говорили, что никто в северных землях не может организовать пир так, как граф Марвиса, и мы не были разочарованы.

— У них такие прекрасные вина! — подхватила Эйвоньеза. Обмен любезностями, казалось, утомил Обри так же, как и Гахриза, лишь Вилмон был слишком занят неподатливой заусеницей, чтобы заметить что-либо.

— Граф Марвиса действительно заслужил репутацию прекрасного хозяина, — искренне заметил Гахриз, поскольку Брюс Даргесс был его добрым другом, товарищем по несчастью в темные времена правления короля-колдуна.

— Вполне приличного, — поправил Обри. — И я полагаю, что вы также порадуете нас знаменитым луковым супом и, возможно, столь же изысканной ногой барашка.

Гахриз не знал, как ответить на откровенную издевку. Оба блюда, вместе с разнообразными видами рыбы, действительно были традиционными для острова.

— Я ненавижу луковый суп, — продолжал Обри. — Но на борту нашего судна достаточно провизии, а мы не собираемся задерживаться надолго.

Гахриз выглядел смущенным, и этот конфуз помог ему скрыть неожиданное чувство облегчения.

— Но я думал... — начал было граф, пытаясь продемонстрировать искреннее огорчение.

— Я опаздываю на встречу с Моркнеем, — величественно пояснил Обри. — Я вообще собирался миновать этот мрачный островок, но арена графа Марвиса показалась мне достаточно занимательной. Я слышал, что островитяне известны как одни из лучших воинов Эриадора, но должен сказать, что полуискалеченный гном из самых глубоких рудников Монфора с легкостью одолеет любого из бойцов, которых мы видели на Марвисе.

Гахриз промолчал, но подумал про себя, что описание Бедвидрина как «мрачного островка» в былые времена стоило бы неосторожному гостю языка.

— ...Я надеюсь, что ваши воины продемонстрируют более совершенное искусство, — закончил Обри.

Эйвоньеза крепко вцепилась в руку Гахриза, с откровенным одобрением ощупывая его тугие мускулы.

— Воины всегда так возбуждают меня, — прошептала она графу на ухо.

Гахриз не ожидал утреннего сражения на арене, но был бы рад отделаться только этим. Хотелось верить, что виконт удовлетворится зрелищем и сразу отбудет, избавив таким образом хозяина от проблем с организацией обеда — будь то барашек или луковый суп!

— Я лично присмотрю за приготовлениями, — обратился Гахриз к Обри, осторожно освобождаясь от цепкой хватки Эй-вонъезы, чьи острые ногти он ощущал на протяжении всего разговора. — Слуги покажут вам покои, в которых вы можете отдохнуть после долгой дороги. Я вернусь через несколько минут.

С этими словами он удалился по каменному коридору своего огромного дома. Вскоре он наткнулся на Лютиена, успевшего вымыться и переодеться.

— Вернемся во двор, — сказал Гахриз, к удивлению сына. — Они приехали только затем, чтобы полюбоваться на отличный бой.

— И я буду сражаться?

— А кто же еще сделает это лучше? — спросил Гахриз, грубовато прихватив Лютиена за плечо и быстро увлекая за собой. — Подготовь пару схваток, перед тем как наступит твоя очередь, и как минимум по одному циклопу в каждой. — Гахриз помедлил, нахмутив брови. — Кого лучше всего назначить твоим противником? — спросил он.

— Этана, разумеется, — без колебаний ответил Лютиен, но Гахриз отрицательно покачал головой. Этан вообще не стал бы выходить на арену, и, уж конечно, не для того, чтобы развлечь приезжих вельмож.

— Тогда Гарга Рогара, — сказал Лютиен, имея в виду воина-варвара, отличавшегося гигантским ростом и столь же впечатляющей силой. — В последний раз он был в прекрасной форме.

— А ты одолеешь его?

Юный воитель выглядел уязвленным.

— Конечно, одолеешь, — ответил Гахриз на свой собственный вопрос, сделав вид, что ему самому он показался абсурдным. — Умоляю, покажи достойную битву. Важно, чтобы Бедвидрин и ты, мой сын, высоко поднялись в глазах герцога Монфорского.

Тут Гахриз остановился, и Лютиен умчался прочь, до краев переполненный оказанным доверием и горя желанием доставить удовольствие и отцу, и приедем вельможам.

— До чего же стыдно будет Лютиену, когда он опозорится перед собственным отцом и его почтенными гостями! — проревел мужчина огромного роста под одобрительный хохот прочих бойцов.

Они сидели в низком и пропахшем потом помещении возле входа в коридор, ведущий на арену, проверяя оружие в ожидании своей очереди.

— Стыдно? — откликнулся юный Бедвир, словно был в самом деле изумлен. — Что постыдного в победе, Гарт?

Комнату потряс общий громовой хохот.

Огромный Рогар, почти на фут превышавший Лютиеновы шесть футов и два дюйма, чьи руки были толще, чем ноги юноши, неторопливо поднялся. Ему потребовалось всего два шага, чтобы дойти до все еще сидящего юного Бедвира, а тому пришлось закинуть голову, чтобы посмотреть варвару в глаза.

— Ты запомнишь этот день, — пообещал гигант.

Он начал медленно разворачиваться, не сводя хмурого взгляда с юноши. В помещении воцарилось напряженное молчание.

Лютиен ухмыльнулся и мечом плашмя шлепнул Рогара по заду. Все воины разразились громким хохотом, к которому присоединился и сам Гарт. Огромный северянин развернулся и сделал шуточный выпад в сторону Лютиена, но меч юноши мгновенно взметнулся и отбил удар гиганта.

Все они были друзьями, эти молодые воины, за исключением нескольких циклопов, сидевших в дальнем углу и неприязненно наблюдавших за игрой. Только Гарт Рогар вырос не в Бедвидрине. Его принесло в гавань Дун Варны на обломках потерпевшего крушение корабля четыре года назад. Юношу, почти

подростка, подобрали и выходили островитяне. Сейчас, как и прочая молодежь Бедвидрина, он учился сражаться. Для юных шалопаев все это было игрой, но игрой смертельно серьезной. Даже в мирные времена, а иных они пока не знали, на дорогах частенько бесчинствовали бандиты, да и чудовища порой выбирались из Дорсала.

— Я сегодня вспорю тебе губу, — пообещал Гарт Лютиену. — И ты уже никогда больше не поцелуешь Кэтрин О'Хейл.

Весельчаки притихли — Кэтрин была не из тех, кого можно оскорблять безнаказанно. Родом из противоположной части Бедвидрина, она выросла среди рыбаков, которые не боялись выходить в гораздо более опасные воды открытого Эйвонского моря. Клан Хейлов славился своей отвагой и твердостью, а Кэтрин считалась лучшей среди них.

Кожаный снаряд пронесся через комнату и ударился о спину варвара. Гарт Рогар обернулся и увидел Кэтрин — она стояла в дверях, положив сильную руку на рукоятку меча, острие которого упиралось в каменный пол.

— Если ты позволишь себе еще раз высказаться в том же роде, я вспорю кое-что тебе, — мрачно пообещала разгневанная рыжеволосая девушка, и ее зеленые глаза засверкали опасным огнем. — И тогда тебя меньше всего будут волновать поцелуи.

Вновь раздался взрыв хохота, и Гарт Рогар, красный от стыда, понял, что ему не выйти победителем из этой словесной баталии. Он поднял руки в знак того, что сдается, и, вернувшись на скамью, вновь занялся подготовкой снаряжения.

Во время тренировочных боев на арене юные воины пользовались настоящим, но специально затупленным оружием с укороченными концами. Им можно было колоть, но почти невозможно поразить насмерть. По крайней мере, обычно этого не случалось. Несколько воинов встретили свой смертный час на арене, но за последнее десятилетие никто не погиб. Воинские игры были древней и незыблемой традицией Бедвидрина, да и всего Эриадора. Пользы от них было значительно больше, чем возможного вреда. Шрамы, которые юноши и девушки получа-

ли на арене за годы тренировок, учили их с уважением относиться к оружию и противникам и позволяли глубже понять тех, с кем им предстоит сражаться бок о бок в случае беды. Обязательными считались три года тренировок, но многие оставались на четвертый, а некоторые, подобно Лютиену, видели в тренировках смысл всей жизни.

Он выходил на арену, быть может, сотню раз, и неизменно расправлялся с каждым противником, кроме самого первого — своего брата Этана. Эти двое так и не успели сравняться, поскольку вскоре Этан покинул арену, и хотя Лютиен мечтал вновь испытать мастерство на своем безусловно талантливом братце, он не позволял глупой гордости отравлять истинное уважение и любовь к Этану. Сейчас Лютиен считался лучшим в группе. Кэтрин О'Хейл была быстрой и ловкой, как кошка, циклоп Букво отличался необыкновенной выносливостью, а Гарт Рогар значительно превосходил силой всех обычных людей. Лютиен же был лучшим: стремительный, сильный и ловкий юноша в мгновение ока мог нанести или парировать любой удар. Он научился превозмогать боль, и все равно шрамов на нем было меньше, чем на прочих, кроме самых свежих новичков.

Его считали совершенным бойцом, ярким светом стареющих очей своего отца, и потому младший Бедвир был полон решимости вызвать улыбку на лице человека, который так редко улыбался.

Он провел точильным камнем по лезвию своего прекрасного меча, снимая небольшую зазубрину, а после подержал оружие перед собой на весу, чтобы проверить его балансировку. Лютиен никогда не позволял случайной небрежности повлиять на исход поединка.

Первая схватка, в которой два циклопа лупили друг друга легкими дубинками по плечам и головам, уже началась, когда Гахриз провел четырех гостей к скамьям для почетных зрителей на переднем балконе, прямо напротив прохода, ведущего на круглую арену. Сам он сел в середине и тут же оказался

между Эленией и Эйвоньезой, крепко сцепившимися в него, в то время как их знатные спутники расположились по краям. К изрядной досаде графа, три циклопа из персональной гвардии Обри встали прямо за спинами аристократов. Один из них сжимал арбалет, что удивило Гахриза, так как одноглазые не могли толком оценить расстояние, а потому плохо управлялись с подобным оружием. Этот же, казалось, весьма неплохо владел арбалетом, и Гахриз заметил, что его оружие снабжено любопытным приспособлением — установленными под углом друг против друга зеркальцами поверх ствола.

Гахриз вздохнул, заметив, что только горсточка островитян собралась, желая полюбоваться сражением. Он надеялся на рукоплещущую толпу и сожалел, что ему не дали времени собрать ее.

Но Обри явно проявлял нетерпение. Виконт находился здесь только затем, чтобы его докучливая спутница Эйвоньеза прекратила свои постоянные придирки.

— Циклопы? — ныла женщина. — Если бы я хотела взглянуть на стычку циклопов, то могла просто швырнуть им кусок сырого мяса в замке Монфор!

Гахриз поморщился — это не предвещало ничего хорошего.

— Действительно, вы могли бы продемонстрировать что-нибудь поинтереснее, чем два циклопа, которые молотят друг друга, граф Бедвир, — согласился Обри, и взгляд его, устремленный на Гахриза, был одновременно просящим и угрожающим. — Кузен Моркней, герцог Монфорский, будет весьма разочарован, узнав, что мое путешествие на ваш остров не было приятным.

— Это не главная схватка, — попытался объяснить Гахриз, но его слова заглушил хор возмущенных выкриков.

В конце концов граф сдался. Он подал знак распорядителю арены, из боковых помещений появились всадники, прервав поединок и приказав циклопам вернуться в туннель. Одноглазые по традиции поклонились ложе графа и удалились, продолжив драку еще до того, как скрылись из глаз.

Следующий бой происходил между рыжеволосой Кэтрин и юной девушкой с другого конца острова, новичком на арене, но

отличавшейся многообещающей скоростью и ловкостью. Стоило им выйти из туннеля, как Эления и Эйвоньеза разразились криками протеста.

Гахриз молча ругал себя за то, что не предусмотрел подобной ситуации. Обе юные воительницы были непростительно красивыми, полными жизни и здоровья. К тому же их воинские одежды, обрезанные так, чтобы не затруднять движений, нельзя было назвать скромными, а по лицам Обри и Вилмона было видно, что им слишком долго пришлось довольствоваться обществом двух размалеванных «прелестниц».

— Это нам не нужно! — кричала Эйвоньеза.

— Я так хочу увидеть потеющую мужскую плоть! — мурлыкала Эления, и ее длинные ногти оставляли кровавые бороздки на руках Вилмона.

Гахриз не знал, предвидел ли барон, какой эффект произведет вид мужского тела на его страстную спутницу, или он просто боялся Элении, желавшей, чтобы перешли к следующей схватке.

— У нас мало времени, — резко заметил Обри. — Я хочу увидеть схватку, единственную схватку между лучшими воинами, которых может представить Бедвидрин. Мне казалось, что граф в состоянии понять поставленную перед ним задачу.

Гахриз стиснул зубы, пытаясь скрыть нахлынувшую ярость, и ему пришлось по капле собирать силы, чтобы удержаться и не задушить тощего Обри. Но он невозмутимо кивнул и подал еще один сигнал распорядителю арены, сообщая, что настала очередь Лютиена и Гарта Рогара.

В нескольких шагах от ложи графа Этан мрачно наблюдал за униженным отцом и напыщенными гостями.

Обе женщины одновременно застонали, когда Лютиен и Гарт плечом к плечу вышли из туннеля. Тела бойцов прикрывали лишь нагрудники, воротники и набедренные кольчужные повязки, защищавшие жизненно важные органы.

— Бывают ли мужчины огромнее? — ахнула Эления, которую явно впечатлил светловолосый варвар.

— Бывают ли мужчины привлекательнее? — вторила ей Эйвоньеза, бросая на спутницу сердитые взгляды. Затем она

внимательно посмотрела на Гахриза и вновь, заинтригованная, перевела взгляд на Лютиена.

— Мой сын, — с гордостью объяснил граф. — Лютиен Бедвир. А гигант — это хьюгот, которого еще мальчиком выбросило на наш берег, он действительно великолепный боец. Вы не будете разочарованы, виконт.

Очевидно, Эйвоньеца и Эления не собирались оспаривать последнее утверждение. Они продолжали отпускать весьма откровенные замечания по поводу стати и силы обоих юношей, и каждая отстаивала преимущества своего избранника.

— Варвар сокрушит его, — заметила Эления.

— У него слишком пронизательный взгляд, он не попадетя в примитивные сети дикаря, — возразила Эйвоньеца.

Внезапно она вскочила с места, шагнула к перилам и бросила на арену изящный батистовый платок.

— Лютиен Бедвир! — крикнула она. — Ты будешь сражаться за меня. Бейся достойно, и ты почувствуешь вкус награды!

Гахриз, ошеломленный грубым натиском дамы, взглянул на виконта, опасаясь его ярости. Однако графу показалось, что Обри скорее обрадовался, чем рассердился.

Эления, не желая отставать от соседки, также наклонилась с балкона и бросила свой платок, призвав хьюгота подойти и принять знак того, что он сражается за нее.

Лютиен и Гарт Рогар, вежливо поклонившись дамам, приняли их знаки милости, и каждый заткнул платок себе за пояс.

— Не беспокойтесь, он даже не испачкается, — хвастливо сказал Лютиен Эйвоньеце.

— Кровью — да, но не грязью, — согласился Гарт, поворачиваясь в сторону хихикающей Элении.

Лютиен в последний раз поклонился гостье и торопливо последовал за противником, направившимся к центру арены; оба надели шлемы.

— Итак, ставки повысились, — заметил юный Бедвир.

Гарт Рогар усмехнулся:

— Не стоит думать о всяких пустяках перед боем, — заметил он, и как только распорядитель хлопнул в ладоши, подавая

сигнал к началу схватки, варвар рванулся вперед, нацелив длинное копьё в живот Лютиену в расчете на быструю победу.

Дерзкая атака застала Лютиена врасплох. Он упал и откатился в сторону, но все же получил жалающий укол в бедро.

Гарт Рогар отступил назад и торжествующе вскинул руки.

— Вот он и запачкался! — крикнул варвар, указывая на пласток Эйвоньезы.

Эления закричала от восторга, не обращая внимания на злобный взгляд, который метнула на нее Эйвоньеза.

Теперь Лютиен пошел в атаку, прорываясь вперед, пригибаясь так низко, что мог использовать левую руку в качестве третьей точки опоры. Его меч метнулся к ногам Гарта, но варвар проворно отскочил. Лютиен прекрасно понимал, что если он ослабит натиск, то противник, возвышавшийся над ним, обязательно втопчет его в грязь.

Меч юноши мелькал с непостижимой скоростью, заставляя противника раз за разом отпрыгивать. В конце концов хьюгот был вынужден направить копьё прямо вниз, чтобы парировать удар по коленям. Лютиен стремительно вскочил, и хотя юный воин не имел возможности развернуть меч, он резко двинул вперед щит, ударив варвара по лицу и груди.

Гарт Рогар отшатнулся, из его носа и уголков рта потекли струйки крови. Но варвар лишь добродушно улыбнулся.

— Прекрасно проделано! — поздравил он.

Пока Лютиен совершал традиционный поклон, хьюгот взревел и, воспользовавшись удобным моментом, снова ринулся в бой.

Но Лютиен был готов к очевидной атаке и мечом молниеносно отбил копьё в сторону. Ловкий боец бросился вперед и вновь ударил по мощной груди Гарта Рогара — на этот раз лишь вскользь.

Варвар, однако, мгновенно отреагировал: он обхватил свободной рукой противника и резко ударил его коленом в бедро. Юноша пошатнулся, и Гарт Рогар мог бы одолеть его, но младший Бедвир успел набраться опыта в подобных схватках. Он полоснул противника по коленям и остановил стремительный выпад гиганта.

Противники вновь выпрямились и бросились в бой. Молодые люди питали друг к другу искреннюю привязанность, но здесь, на арене, ни один не желал уступить, сражаясь из гордости и любви к состязаниям. Меч и копьё скрещивались и расходились, метнувшийся вперед щит Лютиена был остановлен стремительным и мощным кулаком Рогара.

Гахриз никогда не видел своего сына и Гарта Рогара сражающимися так самозабвенно, и он явно преисполнился гордости, поскольку и Вилмон, и Обри были полностью захвачены происходящим, встречая громкими криками каждый искусный удар, парированный в последнюю секунду. Но крики мужчин не могли сравниться с дикими воплями Элени и Эйвоньезы, подбадривавшими каждую своего бойца. Обе они были не очень хорошо знакомы с правилами боя и много раз считали его законченным, полагая, что один из соперников получил неоспоримое преимущество.

Но оба воина не зря проводили долгие часы на тренировочной площадке, они были действительно достойными противниками. Молодые люди неизменно успевали вовремя поставить защиту, постоянно находились в равновесии.

Гарт Рогар замахнулся копьём, но когда Лютиен парировал мечом, варвар неожиданно направил оружие вверх, прихватив с собой и меч противника. Гарт рванулся вперед и ударил Лютиена ногой в живот, отчего тот согнулся пополам.

Лютиен едва успел вскинуть щит, остановив тупой конец копья, направленный ему в голову, но затем получил новый удар ногой, на этот раз в бедро, и отступил.

— Прекрасно! — закричала Эления, и только тогда Гахриз заметил испепеляющие взгляды, которые Эйвоньеза бросала на молодую женщину.

Он начал понимать, что назревают серьезные проблемы.

Почувствовав преимущество, Гарт Рогар взревел и с удвоенным пылом налетел на задыхающегося противника.

Лютиен отбил щитом копьё Гарта высоко вверх, поднырнул под него и обрушил стремительный меч на правую руку варвара. Стальная рукавица сохранила Гарту Рогару пальцы, но он

взвыл от боли и на некоторое время потерял возможность действовать этой рукой.

Теперь Лютиен перешел в атаку, держа щит так, что Гарт не мог развернуть копьё и отразить выпад. Сильный удар меча сбоку пришелся по кожаному нагруднику варвара. Гарт Рогар сморщился от боли, но не утратил бдительности и, когда Лютиен попытался нанести второй удар, отбил его кулаком.

Лютиен снова пошел в атаку, однако, когда Гарт качнулся ему навстречу, резко остановился и упал на спину. Не ожидавший этого варвар потерял равновесие и начал падать на противника, тогда Лютиен уперся ногами ему в живот.

— Отправь его полетать! — закричала Эйвоньеза, и Лютиен сделал именно это, оттолкнув Гарта обеими ногами так, что тот перевернулся в воздухе и грохнулся на спину.

Противники моментально вскочили, так и не выпустив оружие из рук, глядя друг на друга с искренним уважением. Они утомились и были покрыты ссадинами, и оба прекрасно знали, что ослабеют от ран и назавтра будут чувствовать себя прескверно, но что значили подобные мелочи по сравнению с азартом схватки!

Теперь Эления метала глазами молнии.

— Расправься с ним! — закричала она Гарту Рогару так громко, что заглушила на мгновение все остальные вопли, и все присутствующие, включая Лютиена и варвара, посмотрели на нее.

— Похоже, у тебя новая подружка, — заметил юный Бедвир. Гарт Рогар громко расхохотался.

— Постараюсь не разочаровать ее! — взревел он и взмахнул своим оружием, но неожиданно остановил занесенную руку, и тупой конец копья громко зазвенел о щит Лютиена. Юноша ответил прямым ударом, но варвар был вне пределов досягаемости. Второй удар копья пришелся над щитом Лютиена, едва не выбив юноше глаз, скользнул по шлему, когда Бедвир наклонился; следующий удар тупым концом копья пришелся Лютиену по спине.

Удар оказался весьма болезненным, но Лютиен проигнорировал его, понимая, что должен пойти в наступление, если не

хочет погибнуть под мощным натиском противника. Он поднырнул под копьё, развернулся и оказался прямо под замахнувшейся рукой Гарта. Краем щита Лютиен заехал гиганту под мышку, заставив его покачнуться. Вновь Гарт Рогар поймал меч Лютиена рукой, но ноги хьюгота подогнулись. Когда Лютиен неожиданно рванул щит вверх, широко расставив руки и ноги, копьё варвара отлетело прочь, и сам Рогар грохнулся на землю.

— Бей его! Бей его! — кричала Эйвоньеза.

— Сражайся, олух! — вопила Эления.

Лютиен едва успел принять боевую стойку, когда Гарт Рогар вскочил. Юноша полагал, что Рогар хочет поднять упавшее копьё — и собирался позволить достойному противнику сделать это, — но Рогар, в котором разыгралась свирепая кровь варваров, неожиданно обрушился на Бедвира. Застигнутый врасплох Лютиен поспешно поднял щит, и его рука онемела от сокрушительного удара кулаком.

Бедвир отступил на шаг, в изумлении глядя на упавший с руки щит с лопнувшим ремешком. Он едва увернулся от второго удара, который мог поранить сильнее любого копьё, и отпрыгнул от третьего, швырнув разбитый щит в нападающего противника.

Гарт Рогар отбил щит в сторону и ринулся вперед, замедлив движение только для того, чтобы избежать быстрого выпада меча Лютиена. Второй выпад заставил его уклониться. Лютиен был к этому готов, его левая рука обрушилась на переносицу варвара, и так уже сломанную.

Гарт Рогар помотал головой, чтобы исчезли круги перед глазами, и попытался изобразить улыбку.

— Ты сдаешься? — вежливо спросил Лютиен, и тут же они услышали протестующие крики Элени и победные восклицания Эйвоньезы.

Как и следовало ожидать, Гарт Рогар бросился в атаку. В последний момент Лютиен взметнул свой меч вверх, прямо в лицо варвару. Гарт увернулся и резко остановился, а Лютиен поймал меч левой рукой и направил его хьюготу в горло, чтобы

Содержание

МЕЧ БЕДВИРА	7
РИСКОВАННАЯ ИГРА ЛЮТИЕНА	277
КОРОЛЬ-ДРАКОН	589